

Рина БЕЖ

ЧУЖОЙ ЖЕНИХ
Нам нельзя

ЗАПРЕТНАЯ

ЛЮБОВЬ

Рина Беж

Чужой жених. Нам нельзя

<https://litres.ru/74206878>

Аннотация

– Агата, ты две недели в больнице провела. – Да, так и было, – произношу ровно, смело встречая взгляд Томилина. – Но вы не переживайте, Владислав Сергеевич. Обычное явление, все люди время от времени болеют. – Но не все из них лежат в женском отделении. На сохранении. – И тут вы правы. Мужчинам такое не под силу. – Может прекратишь уже ёрничать и назовешь мне причину своего «недомогания»? – Зачем? О состоянии пациентов обычно сообщают ближайшим родственникам. А мы с вами, простите, чужие люди. – И то, что ты беременна от меня, не является смягчающим фактом?! Томилин явно пытается обезоружить меня знанием правды, но просчитывается. Качаю головой и спокойно отвечаю. – Нет, конечно. Помните французскую поговорку: секс – это еще не повод для знакомства. Ну вот, как раз наш с вами случай. – Агата! – Будьте так любезны, Владислав Сергеевич, не повышайте на меня голос. Лучше к своему будущему тестю поспешите. Вас там ваша горячо любимая невеста с важными новостями ожидает. *** Мне казалось, мы оба влюбились с первого взгляда. Цветы, прогулки, разговоры. Нежность в каждом движении, забота, ласка. Огненная страсть на прохладных простынях. А потом он исчез. Мы встретились за

десять с лишним тысяч километров от Москвы спустя несколько месяцев. Я по-прежнему свободная и чуть-чуть беременная. А он – он чужой жених.

✓# История Влада Томилина, начбеза из "Хозяин деревни" ✓#
ОДНОТОМНИК Роман участвует в литмобе «Запретная любовь»

♥#НЕ ЗАБЫВАЙТЕ ПОДПИСЫВАТЬСЯ НА МОЮ
АВТОРСКУЮ СТРАНИЧКУ, ЧТОБЫ ОТСЛЕЖИВАТЬ
НОВИНКИ И НОВОСТИ

Содержание

Пролог	5
Глава 1	8
Визуалы	17
Глава 2	19
Глава 3	24
Визуал	28
Глава 4	29
Глава 5	35
Глава 6	42
Глава 7	52
Глава 8	61
Глава 9	71
Глава 10	79
Глава 11	87
Конец ознакомительного фрагмента.	90

Пролог

– Агата, ты две недели в больнице провела.

Он не спрашивает, утверждает. И взглядом своим тяжелым сверлит, будто внутрь черепной коробки пробиться пытается, увидеть все, что в моей голове происходит.

– Да, так и было, – произношу ровно, смело встречая его взгляд. – Но вы не переживайте, Владислав Сергеевич. Обычное явление, все люди время от времени болеют.

– Но не все из них лежат в женском отделении. На сохранении.

– И тут вы правы. Мужчинам такое не под силу.

– Может прекратишь уже ёрничать и назовешь мне причину своего «недомогания»? – сердится, интонацией голоса заключая последнее слово в кавычки.

– Зачем? О состоянии пациентов обычно сообщают ближайшим родственникам. А мы с вами, простите, чужие люди.

– И то, что ты беременна от меня, не является смягчающим фактом?!

Томилин явно пытается обезоружить меня знанием правды, но просчитывается. Качаю головой и спокойно отвечаю.

– Нет, конечно. Помните французскую пословицу: секс – это еще не повод для знакомства. Ну вот, как раз наш случай.

– Агата!

– Будьте так любезны, Владислав Сергеевич, не повышайте на меня голос. Я вам не подружка, чтобы меня отчитывать. Лучше к своему будущему тестю поспешите. Вас там ваша горячо любимая невеста с важными новостями ожидает.

Мне казалось, мы оба влюбились с первого взгляда. Цветы, прогулки, разговоры. Нежность в каждом движении, забота, ласка. Огненная страсть на прохладных простынях. А потом он исчез.

Мы встретились за десять с лишним тысяч километров от Москвы спустя несколько месяцев. Я по-прежнему свободная. А он – он чужой жених.

Дорогие читатели!

С трепетом представляю вам свою новую, эмоционально заряженную историю! Приготовьтесь к сложному, захватывающему пути, полному тайн, интриг и запретной любви. Героям предстоит пройти через боль и ошибки, столкнуться с непростыми испытаниями. Но не волнуйтесь, тех, кто дойдет до конца - а Агата и Влад обязательно это сделают!!! - ждет заслуженный хэппи-энд!

Друзья, ваша поддержка на старте невероятно важна для меня. Пожалуйста, не забудьте поставить лайк и добавить книгу в библиотеку, чтобы не пропустить

*продолжение. Огромное спасибо за ваше внимание!

Ваша Рина ##*

Глава 1

АГАТА

Можно ли в двадцать три быть наивной дурочкой?

Легко.

И просто.

Вот она я.

Стою перед дядей, нависающим надо мной огромной черной тучей и сыплющим угрозами с таким остервенением, что из его рта на мое лицо брызги летят, и никак не могу взять себя в руки.

Как мы докатились до этой точки? Той, где он давит на меня своим авторитетом и требует подчиниться, а я смотрю на него и дрожу, как осиновый лист.

Из-за пелены слез, застилающей взор, я вижу мужчину перед собой настолько нечетко, что в какой-то момент кажется, что передо мной и не человек вовсе, а монстр.

Самый настоящий дьявол с красным перекошенным злобой лицом и бешеными, пылающими ненавистью глазами. Тот, кто пришел забрать не только душу, но и тело.

– Через два дня мы улетаем в Махачкалу, а через пять дней ты выходишь замуж, девочка!

Кажется, у меня слуховые галлюцинации. Иначе то, что произносит рот мужчины, назвать не могу.

Сюр!

Издательство!

Совершенно несмешная шутка!

– Нет. Нет! – мотаю головой, отказываясь верить в то, что слышу. – Я не хочу никуда лететь! И не полечу!

– Это не обсуждается, Агата! Теперь я твой старший родственник, а значит, на правах главы семьи несу за тебя полную ответственность и решаю, как будет лучше.

– Как лучше кому? – переспрашиваю, стирая слезы кулаком. – Мне или вам?

– Тебе, конечно!

– Мне лучше здесь, дядя Амиран. В Москве. Где я родилась и живу все эти годы. Где выучилась, получила прекрасное образование и скоро пойду работать.

– Одна в Москве хочешь жить? – смотрит на меня, как на букашку. – Без старших родственников, которые должны за тобой присматривать? Не смей меня! И не позорь!

Позор?

О чем он говорит?

Но больше удивляет другое:

– А почему нет? Полгода же я как-то одна жила. И вполне отлично справлялась.

– Да, я виноват, что не прилетел сразу, – родственник меня будто не слышит или не хочет слышать. – Но у меня были важные причины отсутствовать, я не мог покинуть дом раньше. Зато теперь здесь, и займусь всеми твоими делами.

– У меня все в порядке с делами, дядя Амиран, спаси-

бо! Ваша помощь не нужна! – хмыкаю, не скрывая горькой усмешки. – И замуж по вашей указке я не пойду!

– Не пойдешь, а побежишь! – взмахивает рукой.

Едва не отшатываюсь. Лишь усилием воли заставляю себя не отступать. Он же как зверь, ждет, что я прогнусь и подчинюсь.

Но нет. Ни за что!

– Нет!

– Да! Ты носишь фамилию моего брата, Агата! Ты Насырова. А значит, член моей семьи и подчиняешься мне, как старшему!

– Я подчиняюсь только себе. Я совершеннолетняя!

– Кстати, про совершеннолетие. Тебе уже двадцать три, детей давно пора рожать. А ты всё в девках сидишь.

– Я сама решу, когда мне будет пора замуж, а когда иметь детей.

– Ошибаешься. Я сказал своё слово. Твоя свадьба через пять дней. Мои приказы не обсуждаются! Запомни это сейчас, чтобы не иметь проблем в будущем.

– Нет! Это бред! Я не мусульманка, ваши обычаи и традиции на меня не распространяются.

– Это ненадолго. Прилетим домой, поменяешь веру. Тётя Алия тебя всему научит. Процесс несложный. При двух свидетелях произнесешь Шахаду, и будет достаточно, – говорит мужчина немыслимое. – А муж? Я тебе такую замечательную партию подобрал, еще спасибо мне скажешь!

Спасибо?

Я? Ему?

– Нет! Никогда!

Но дядя меня даже не слышит.

– Мурад Шароев очень уважаемый в наших кругах человек. Богатый, достойный мужчина, сумевший доказать свою силу, ум, гибкость и умение вести бизнес. Я показывал ему твою фотографию, ты ему понравилась.

Бред!

Ну, полнейший бред и средневековье!

Фотографию он мою показывал? Я ему понравилась?

Хочется истерически захохотать в голос, но я всего лишь мотаю головой и, пытаясь побороть икоту, сиплю:

– А он мне нет.

– Познакомитесь, поменяешь мнение, – припечатывает горе-родственник.

Боже, какая же дура я была всего несколько часов назад, когда распахнула дверь квартиры и увидела на пороге дядю Амирана, младшего единокровного брата моего приемного отца, и его жену тетю Алию.

Расплылась в радостной улыбке, пригласила пройти в дом.

Думала, счастье привалило: родственники в конечном итоге решили все свои важные дела, ведь даже на похоронах родителей не появились, и прилетели меня навестить и под-

держать.

После гибели мамы и папы пять с половиной месяцев назад я осталась совсем одна. Без крепкого плеча и поддержки близких. Если бы не мои любимые подруги по институту, не знаю, как пережила бы то сложное время.

По маминей линии родных никого. Детдомовская она.

У папы Алихана вся родня на Кавказе. Но такая, что мы с ними особо не общались. Или они с нами? Не суть. Раз в несколько лет встречались, когда они в столицу прилетали. Но останавливались те не у нас, а в квартире, которую им отец снимал. Не знаю, из-за того ли, что папа Алихан давно от них отделился, а может, что на маме моей женился.

Меня в эти тонкости не посвящали, да я и сама не лезла с вопросами.

Знаю только, что много лет назад папа Алихан пошел против воли собственного отца и женился не на правильной чистой девочке из своих, кого ему чуть ли не под дулом пистолета сватали, а на чужачке с иной верой. К тому же разведенке с ребенком.

Тогда все родственники от него отвернулись. А он не передумал. Остался в столице, дело свое организовал, потихоньку раскрутился. На маме женился и меня, десятилетнюю девчуху, удочерил. Фамилию и отчество свои дал, хотя по их канонам вроде как это порицается.

Опекать можно, удочерять – не стоит. Ведь он – мусульманин. А я и мама – православные.

Но им, моим дорогим и любимым людям, было всё равно. Главное, что они друг друга с полуслова понимали. С полувзгляда.

Между ними такая яркая любовь пылала и искрила, что сердце, глядя на них, пело и радовалось. Они ж надышаться друг на друга не могли. Везде вместе. Всегда рука об руку. И в глазах обоих океан нежности и счастья.

Он большой и крепкий восточный мужчина, мама – маленькая хрупкая славянка с соломенного цвета натуральными волосами и зелеными, как свежая трава, глазами. Словно ангелочек.

Внешностью я, кстати, в нее пошла. От родного отца – Игоря Потехина, вообще практически ничего не взяла. Разве что брови темные, да нос не тонкий и острый, а немного вздернутый. И нисколько не жалею. Не тот он человек, на которого хочется быть похожим.

– Ни с кем я знакомиться не буду! – повышаю голос, чтобы дядя наконец меня услышал. – У меня уже есть молодой человек! Я его люблю!

– Как полюбила, так и разлюбишь!

– Никогда!

– А то, что ты больная, твой жених в курсе? И твоя болезнь передается по наследству детям, тоже? Готов рисковать?

Качаю головой, не веря в то, что слышу.

– Дядя Амиран, у меня всего лишь астма. Зачем вы говорите так, будто я какая-то прокаженная?!

Смотрю в чёрные ничего не выражающие глаза и шею рукой обхватываю. Хочется защититься от слов, падающих мне на голову словно булыжники.

– Потому что ты слабая! И если не препараты, которые всегда должны быть под рукой, то можешь умереть в любой момент! – бьет он прицельно.

И да, это больно, потому что правдиво.

У меня всегда с собой в сумке лежит ингалятор и таблетки. И дома в аптечке есть запасной.

– Скажи, Агата, – цепляет за плечо и дергает к себе ближе. Не мигая, смотрит в глаза. – Какому здоровому мужику захочется иметь под боком вечно больную женщину, а впоследствии больных детей? Да никому!

– Ну раз я вся такая больная и заразная, – дергаюсь и отступаю на шаг, вырывая себя из тисков неприятных рук, – так зачем же вы меня уважаемому и достойному человеку хотите сосватать? Пусть женится на здоровой!

– Так Мурад уже женат на здоровой! – усмехается цинично.

– Что?

– А ты как думала? Да, много лет. И дети у него есть. Двое. Мальчик Рашид двенадцати лет и девочка Зарима четырех.

– А я? Я ему тогда зачем?

– Говорю же – понравилась! Второй женой тебя возьмет. Будешь Камиле по дому помогать, за детьми смотреть. Ну и мужа, конечно, радовать.

– Вы с своим уме, дядя? Вы себя вообще слышите? Вы что мне предлагаете?

– Идеальный вариант! И я не предлагаю, а ставлю тебя в известность!

– Да идите вы знаете куда с вашим вариантом?! Вон из моего дома! Сейчас же! – вскидываю руку, указывая на выход.

И не сразу понимаю, почему щеку болью обжигает, а голова мотается в сторону, как у тряпичной куклы.

– В-вы... в-вы... м-меня ударили? – прикладываю ладонь к пылающей коже.

– Никогда не смей повышать на меня голос, девчонка! Я – глава семьи. Я теперь здесь всё решаю, – наступая, пугая яростной агрессией. – А теперь рот закрыла и пошла в свою комнату. Собирай вещи, невеста.

Роман участвует в литмобе «Запретная любовь» .

9 страстных историй, где любовь становится испытанием, а каждый вздох наполнен болью и желанием.

Наши герои бросают вызов судьбе, преодолевая немислимые преграды на пути к своему счастью.

Что, если твой возлюбленный – женатый мужчина?
А если он старше тебя на 20 лет?

Тебя безумно влечет к другу своего сына?

Или ваши семьи – заклятые враги?
А может, ты должна выйти замуж за другого?

В нашей подборке – самые горячие истории **о запретной любви**, где каждый поворот сюжета держит в напряжении.
<https://litnet.com/shrt/PB3u>

Визуалы

Знакомимся с первыми героями! Так вижу их
я))

 АГАТА НАСЫРОВА

23 года, выпускница Московского Вуза, по образованию учитель русского языка и литературы.

Больна астмой.

Мать и приемный отец разбились полгода назад в аварии. Девушка фактически жила всё это время одна.

Настоящий отец особо встречаться с родной дочерью не спешит. У него есть своя семья - жена и приемная дочь.

АМИРАН НАСЫРОВ

49 года, предприниматель средней руки.

Единокровный брат Алихана Насырова, приемного отца Агаты.

Решил прибрать бизнес брата в свои руки, расширить тем самым собственный.

Для этого приехал в Москву, чтобы увезти племянницу к себе на родину в Дагестан, заставить сменить веру и выдать ее замуж второй женой за Мурада Шароева, чья поддержка ему очень необходима.

МУРАД ШАРОВ

43 года, женат на Камиле Шаровой. Имеет двоих детей - сына Рашида 12 лет и дочь Зариму 4 лет.

Согласен взять Агату второй женой. Цель - расширить бизнес путем слияния с Амираном Насыровым, да и блондиночка ему приглянулась.

Глава 2

АГАТА

– Пойдем со мной в комнату, дочка. Не стоит дядю Амира сардить, – мягко произносит тетя Алиа.

Аккуратно, но твердо она берет меня за локоть и настойчиво тянет из гостиной прочь.

Ноги подчиняются, а вот голова.

– Он меня ударил, тетя, – поворачиваюсь к женщине, пытаюсь найти у нее не столько утешение, сколько хоть какое-то объяснение произошедшему.

Для меня пощечина – не рядовое событие.

Не мелочь.

Настоящий шок.

Я привыкла к иному обращению с собой. К другим отношениям. К любви. К уважению. К симпатии, в конце концов. К умению решать вопросы не рукоприкладством, а разговорами.

Родители никогда не повышали на меня голос. Даже если в каких-то вопросах мы были друг с другом не согласны и заходили в тупик, то не грубили, не орали, не пытались уколоть другого побольнее, не прибегали к решению проблем путем «кто сильнее – тот и прав», размахивая кулаками.

Мы строили конструктивный диалог, ища точки соприкосновения и договариваясь. Полюбовно.

Даже мой родной отец, с которым я росла до восьми лет, подобного не допускал. По характеру он был совсем не такой как папа Алихан, в чем-то более мягкий, в чем-то более резкий, но бить женщину... нет, не припоминаю такого даже смутно.

Это ж даже не мужской поступок.

Это слабость.

Попытка самоутвердиться извращенным способом.

А тут совершенно посторонний человек появился в мой дом и сделал то, что сделал. Я даже родственником после такого его считать не хочу. Самый настоящий чужак с замашками диктатора и совершенно бредовыми требованиями.

Ты должна...

Ты сделаешь...

То поедешь...

Ты подчинишься...

А не много ли он на себя берет? Не лишку ли на меня навешивает?

С чего он решил, что я безмолвная кукла, которая проглотит всё, что ей положат в рот?

Нет. Не будет этого.

Да, какие-то традиции папы Алихана конечно же сказались на моем воспитании. Почитать и уважать старших. Быть скромной и воспитанной. Не пытаться встать на одну ступень с мужчиной и уступать ему в лидерстве. Строить карьеру для души, а не в погоне за рублем. Быть радивой хозяйкой

и, конечно же, ценить свои честь и достоинство.

Но и восточной женщиной я при этом не стала.

Я – серединка на половинку. Ни то, ни сё. Нечто аморфное, но при этом цельное и довольно жизнеустойчивое в собственной среде обитания.

Я самостоятельна в своих решениях, и даже когда был жив папа Алихан, я не отдавала себя в полное ему подчинение. Да, к словам прислушивалась всегда, но никогда они не были единственно верными и обязательными к безмолвному выполнению. Я это понимала, папа Алихан это принимал.

Я ношу обычную одежду. Платья, кофты, брюки, джинсы. Да, в моем гардеробе нет вызывающе коротких юбок, едва прикрывающих зад, и нет прозрачных блузок, демонстрирующих искусное кружево бюстгальтера и пупок, но и балахонов до пола тоже нет, как и десятков разноцветных платков и хиджабов, призванных прятать волосы и тело от мужских взглядов. Тетушка Алия как раз сейчас идет в таком.

Я посещаю с друзьями кафе и клубы. Теперь, конечно, в прошедшем времени, потому что у меня траур по родителям. Но это в моей жизни было и еще будет. Как и друзья мужчины, с которыми я свободно общаюсь, не боясь услышать порицание.

Я – свободный человек, взрослый, сложившийся, дееспособный, со своими взглядами и целями на жизнь. И пусть у меня больше нет за спиной старшего родственника мужчины, но и такого, как дядя Амиран, мне не надо.

Его пощечина нагляднее его слов показала его истинное лицо.

– Агата, ты сама повела себя неправильно. Девушке не пристало быть грубой и некультурной. Она должна быть тихой, кроткой и покорной. Твой дядя Амиран – не злой человек. Он просто очень ответственный и переживает за тебя... То, что случилось в последний момент, не есть его исключительная вина. Это всего лишь адекватная реакция на твоё абсолютно неподобающее поведение.

Голос тети Алии звучит негромко и спокойно, с умеренно низкой обертоновой окраской. Прямо как у заправского коуча, призванного пудрить мозги ради дармовых денег. Или как у психолога с хорошим стажем.

Интересно, может у нее реально диплом по зомбированию имеется?

Втирает она про мою вину удивительно четко. Еще и руку из своих цепких пальчиков никак не выпускает, буквально вынуждая ощутить к ней доверие.

Будь я кроткой овечкой – несомненно бы купилась. Но я ж – ни то, ни сё, о чем она не подозревает.

Оборачиваюсь к тете, которая уже успела завести меня в спальню и, прикрыв плотно дверь, посадить на небольшой двухместный диванчик и примоститься рядом. Осматриваю ее внимательно и очень серьезно уточняю:

– Вы шутите?

– Я? Нет, Агата. Ни в коем случае! Как ты такое можешь

думать? – качает она головой. – Я очень за тебя переживаю и сделаю всё, приложу максимум сил, чтобы научить тебя не совершать подобные глупости впредь.

Она?

Меня?

– Глупости? Это вы про собственное мнение, которое я захотела отстоять, говорите?

Наклоняет голову и едва заметно улыбается.

– Я понимаю, тебе было сложно одной. Но отныне всё в прошлом, девочка. Теперь мы рядом и поможем. Тебе больше не надо быть сильной. Дядя Амиран сам всё решит и со всем справится. Оставь мужчинам заниматься их мужскими делами. Сама просто расслабься.

– Еще скажите: и получай удовольствие, чувствуя себя женщиной.

Тетя Алия смеется.

– Ой, и шутница ты, Агата. Женщиной ты станешь с мужем. И, к слову, Мурад Шароев – отличная партия. Сейчас же ты – девушка. Молодая, красивая, беззаботная.

Обалдеть, какая беззаботная! Подумаешь, маму с папой похоронила!

Аж знобить начинает. Оттого и черт за язык дергает:

– А с чего вы взяли, что я еще девушка?

Глава 3

АГАТА

– Что ты такое говоришь, Агата?

Тетя Алия продолжает улыбаться, но уже не так уверенно. С каждой проходящей секундой все меньше и меньше, ведь на ее радость я никак не реагирую.

Наоборот, четко и серьезно произношу:

– Я не говорю, я спрашиваю: с чего вы решили, что я еще девушка?

– Но как же? Ты молодая. Ты незамужняя. В конце концов ты – Насырова!

Последний довод звучит странно. Будто мне родовое клеймо ставят, но не простое, а королевское. Которое и на лбу носить почетно.

– Правильно. Все так и есть, – соглашаюсь по всем пунктам, а потом добавляю свой. – А еще у меня есть молодой человек, которого я очень люблю.

Влад Томилин.

Конечно же, он давно не молодой человек, а взрослый состоявшийся мужчина, но я не спешу откровенничать с тетей. Чем дальше, тем больше она, как и ее муж, меня настораживают.

Что же касается Влада... С ним я познакомилась, придя подписать документы в банк, совладельцем которого был па-

па Алихан. Он присутствовал там по каким-то своим делам. Я оступилась, чуть не упала. Влад очень вовремя мне помог, подхватил и не дал встретиться с полом. Пока я его благодарила, а он с улыбкой отнекивался, успели разговориться, посмеяться и каким-то неведомым образом переместиться в уютное небольшое кафе, расположенное по соседству с банком.

Кажется, мы оба влюбились с первого взгляда, потому что все никак не могли расстаться, хотя каждого ждали дела. Пили кофе, ели какие-то десерты, снова пили кофе, что-то обсуждали и снова смеялись, игнорируя все звонки и сообщения, поступающие на наши телефоны.

Пару часов спустя он проводил меня до такси, которое вызвал и оплатил сам, а через несколько дней позвонил и пригласил на свидание.

Так за первой встречей последовали другие. Новые, но не менее яркие.

Цветы, прогулки, интересные места, рестораны, комплименты, разговоры. Мы встречались не каждый день. Влад оказался весьма занятым мужчиной, много времени уделяющим работе. Кажется, связанной с охраной промышленных объектов. Но когда бы мы не виделись, я чувствовала его к себе внимание, заботу, нежность. Сама трепетала в ответ. И сейчас тоже. Сiju и мурашками покрываюсь, просто думая о нем.

Влад невероятный. Взрослый состоявшийся мужчина

тридцати восьми лет. Серьезный, образованный. Высокого роста, крепкий, но поджарый – только налитые силой плечи и руки выглядят массивными. Не красавец в общем понимании этого слова. Внешне очень суровый и жесткий. С резкими чертами лица и опасно пронзительными стального цвета глазами.

Кто-то под их пристальным взглядом теряется, сама видела, а я таю, как мороженка. И не боюсь ни капли.

Ведь папа Алихан тоже внешне всегда выглядел очень суровым мужчиной, но его сила никогда не была направлена против меня или мамы. Он нас обожал. И Влад, я уверена, такой же. Жесткий снаружи, но с тем, кого любит и уважает, мягкий и открытый.

А еще он, в отличие от молодых людей, все сводящих к сексу, никогда меня к нему не принуждал. Влад говорит, что всему должно быть свое время. И у нас всё обязательно будет. Но только тогда, когда я сама пойму, что к этому готова.

Сейчас я даже жалею, что струсил, и мы не переступили черту. Я побоялась показаться в постели неумехой, ведь Томили в отличие от меня взрослый мужчина. И опыт у него в разы больше моего.

– Но Алихан нам ни слова не говорил, что договаривался с кем-то о твоём замужестве, – вклинивается в мои мысли голос тети Али.

Она сидит, нахмутив брови, и пытливо вглядывается в мое лицо.

Сдерживаю желание повести плечами. От немигающего взгляда черных глаз женщины мне резко становится не по себе. Но когда отвечаю, голос звенит уверенностью.

– Он и не должен был договариваться. Я мужа сама себе выбираю, – объясняю прописную истину. – Это ж мне с ним жить, мне с ним детей рожать. Да и познакомились мы всего пару месяцев назад.

– Пару месяцев... – тянет родственница и вдруг резко поднимается на ноги. – Пойду-ка я схожу принесу воды. Что-то в горле пересохло. Ты будешь, Агата?

– Нет, спасибо. Не хочу.

Тетя кивает и покидает мою комнату, вновь плотно прикрывая за собой дверь. А я подхожу к окну и выглядываю в окно. На улице лето, жара. А в мыслях холодок и ни одной толковой идеи, как так сделать, чтобы дорогие родственники покинули мою квартиру, где я уже не рада их приветствовать, и переселились в любое другое место.

Судя по тому, как вольготно они у меня в доме расположились, покидать его не собираются. И это плохо.

Спустя некоторое время слышу щелчок дверной ручки, тихие шаги. Родственница вернулась. Собираюсь развернуться, чтобы на нее посмотреть, но до конца действие выполнить не успеваю.

Что-то острое впивается в шею, тело перестает слушаться, и я проваливаюсь в вязкий туман.

Визуал

ВЛАД ТОМИЛИН

38 лет, родился в Твери, пригодился в Москве и Санкт-Петербурге. Холост.

За спиной больше пяти лет службы в горячих точках, двенадцать лет службы в ФСБ. Официально уволился четыре года назад, чтобы возглавить службу безопасности своего давнего близкого друга, сослуживца и крупного бизнесмена Альберта Гольдмана.

В очень узких кругах известно, что он до сих пор сотрудничает с ФСБ.

Глава 4

АГАТА

Противная горечь заполняет нос и рот, забивает легкие и разъедает вязкий туман, в котором я дрейфую. Пытаюсь избавиться от вони, дергаю головой и наконец вынырываю из оков беспамятства.

Распахиваю глаза. Яркий свет режет сетчатку, и я часто-часто моргаю.

– О, голубушка. Пришла в себя? Отлично, - расплывается в улыбке лицо дородной дамы лет пятидесяти с хвостиком, нависающей надо мной.

Розовый медицинский костюм. Шапочка на голове, маска, сдвинутая на подбородок. На руках латексные перчатки.

– Кто вы? – провожу языком по пересохшим губам, отодвигаясь подальше от ее кисти с зажатым в ней вонючим тампоном. – Где я?

Последнее воспоминание: я нахожусь дома, в своей комнате. Потом укол в шею. Всё.

Теперь же вокруг незнакомая обстановка. Небольшой кабинет. Светло-желтые стены. Белые жалюзи. Слева у окна угловой стол и компьютер. Справа ширма. За ней гинекологическое кресло. Никогда вживую не видела, только на картинках. Выглядит жутко. Подо мной, как понимаю, кушетка. Узкая, жесткая. Напротив, рядом с выходом, раковина и бе-

лое вафельное полотенце на крючке.

Именно на нем почему-то концентрируется внимание.

– Ты в клинике, Агата. Я – Гаянэ Тамазовна, хирург-гинеколог.

– В клинике?

– Я так и сказала. Хорошо, что ты пришла в себя. Сейчас мы тебя посмотрим, а дальше пообщаемся и решим, как будем действовать.

«Я стою на асфальте, ноги в лыжи обуты. То ли лыжи не едут, то ли я долбанутый», – мелькает в голове очень уж соответствующая случаю фраза.

– С чего вы решили, что я позволю вам что-то делать с моим телом? – уточняю, отталкиваясь ладонями от лежанки, и, стараясь не показывать слабости и головокружения, принимаю сидячее положение.

Панибратское отношение «на ты» решаю игнорировать. Есть более важные вопросы на повестке дня.

– Разве это не в твоих интересах? – выгибает рисованную бровь врач. Она отходит к раковине и выкидывает в помойное ведро, стоящее по соседству, ватку, пропитанную нашатырем, а следом перчатки.

– Было бы в моих, я пришла к вам собственными ногами, – объясняю прописную истину, доступную всем. – А я даже не понимаю, как у вас очутилась.

– Твои родные позаботились о тебе, Агата. Цени это.

Хочется рассмеяться. Громко. Истерически.

Вместо этого сухо переспрашиваю.

– Ценить?

– Конечно. Причем высоко. Девушка должна выходить замуж чистой и непорочной. А ты себя не уберегла. Но я помогу решить проблему.

Господи-боже, еще одна коуч-сектантка на мою голову, обожающая промывать мозги и учить, «как надо».

– Мне не нужна ваша помощь, – решаю заканчивать идиотское представление и подскакиваю на ноги. От резкого движения голову ведет, пол под ногами раскачивается, но я собираю волю в кулак и остаюсь стоять на ногах. – Лучше себе помогите. Прощайте.

Разворачиваюсь и устремляюсь к выходу. Благо, он совсем рядом.

Дергаю ручку вниз и толкаю дверь. Ступаю на порог, предчувствуя близкий запах свободы, а в следующий миг в бетонную стену влетаю. Точнее, в шкафообразного мужика, возникшего непонятно откуда и перекрывшего путь так, что ни одна мышь не проскочит.

Морда лица неславянская. Южные корни прослеживаются невооруженным взглядом. Пустые глаза и абсолютный пофигизм.

Он даже не моргает, когда я поднимаю руки и на нервах толкаю его в грудь.

– Уйдите с дороги! – рычу.

Но живая глыба не смещается ни на полшага.

– Агата, не устраивай цирк. Вернись в кабинет, – раздаётся спокойный голос Гаянэ-какой-то-там.

Разворачиваюсь на пятках.

– Цирк устраиваете вы! – огрызаюсь, глядя в ее темные глаза. – Вы не имеете право удерживать меня против воли и лечить без моего разрешения!

– Разрешение на это подписала твоя тетя. Кстати, вот и она.

За моей спиной реально возникает Алия Насырова.

– Агата, пришла в себя? Хорошо, – кивает горе-родственница, уделяя мне секунду, а дальше, будто разговор окончен, глядит исключительно на гинеколога. – Гаянэ Тамазовна, вот квитанция. Я всё оплатила, бумаги подписала. Ценник по гименопластике тоже посмотрела. Думаю, как вы и сказали изначально, краткосрочный тип нам идеально подходит.

Перевожу взгляд с одной сумасшедшей на вторую с примерно таким же диагнозом и неверяще уточняю:

– Что? Вы мне реально девственность восстанавливать собирались?

– Это в твоих же интересах! – припечатывает тётя Алия.

Ага, в моих. Я это от нее уже раз-дцать за последний день слышала.

– Не переживай, Агата, – «успокаивает» врачиха. Да, именно врачиха. Врачам я доверяю, таким, как эта, нет! – Краткосрочная гименопластика – это очень простая форма

операции. Проходит амбулаторно. Я сошью тебе фрагменты гимена тонкими нитями, что создаст временный эффект девственности. Будущий муж ни о чем не догадается и останется доволен. А ты помни, что до брачной ночи занятия спортом тебе будут противопоказаны.

– Вы издеваетесь? – сиплю, потому что в груди начинает разрастаться болевое ощущение. Первые симптомы перед приступом.

Мне никто не отвечает. *Гаянэ-как-то-там* обращается к тетке:

– Алия Рахметовна, только не забудьте предупредить мужа, что брачную ночь лучше сдвинуть на восьмой день.

– Сделаю, Гаянэ Тамазовна. Свадьбу чуть перенесем.

В ушах все громче и быстрее тарабанит сердце. Разговор двух гадюк цепляю краем уха. Хватаюсь за шею и прислоняюсь к стене, как к опоре.

– Где моя сумка? – выдыхаю со свистом. – Там ингалятор.

Кажется, до тетки доходит, что я не шучу, рваными глотками пытаюсь втянуть в себя воздух. Она бледнеет и стремительно летит за дверь. А через минуту появляется с моей сумкой.

Копошится в ней, а потом берет и просто высыпает все содержимое на кушетку. Странно, что не на пол. Я уже и этому бы не удивилась.

– Дыши, давай же! – рычит, впиваясь в меня черным взглядом, и больно тычет в губы горлышком спрея, застав-

ляя разжать зубы.

Размыкаю рот, не отрывая от неё глаз, из которых текут слезы. Небо обжигает лекарством, и я сделаю первый вдох. Легкие будто иглами протыкают. Дышу с хрипами. Меня трясет. Но приступ отступает.

Тетка встряхивает меня с удивительной силой и вместо слов поддержки шипит с угрозой:

– Делай всё, что тебе велят. А будешь истерить и выкидывать фокусы, мы тебя в психушку закроем, поняла?

Глава 5

АГАТА

Что может быть хуже уже пережитого потрясения от теплой встречи с «дорогими» родственничками?

Я наивно полагаю, что ничего. Всё дурное успело случиться.

Но снова ошибаюсь.

Узнав, что я девственница, тетя Алия в первую минуту вроде бы даже расслабляется – одной проблемой меньше, но стоит врачихе ее «порадовать», что возврата средств за гименопластику не будет – они ж уже успели в соседнем кабинете всё к операции подготовить – вспыхивает, как сухой хворост, и приходит в неопишное бешенство.

Не обращая внимания, что в кабинете есть посторонние, разъяренной фурией подлетает ко мне и, размахнувшись, лупит по лицу.

– Дрянь!

Щедрая оплеуха откидывает меня назад. Так, что затылком о стену прикладываюсь. Щека вспыхивает огнем. Та же, которой досталось от дяди. Нижняя губа лопається и немеет. Прикасаюсь к ней языком и кончиками пальцев. Во рту появляется металлический привкус, а на подушечке указательного и среднего пальцев остаются капельки крови.

Отличный день. Вторая пощечина за неполные сутки. Та-

кими темпами через неделю Насыровы меня не замуж будут выдавать, а хоронить.

– Все до копейки мне вернешь! – шипит ядовитой змеей «дорогая» родственница, тыча пальцем в грудь.

– С радостью, если после этого вы уберетесь от меня подальше! – кидаю ей в лицо, задирая подбородок.

Внутри кипит не только обида, но и здоровая злость.

Пусть еще раз руку поднимет, больше не стерплю и на ее возраст не посмотрю. Залеплю ответку. И пусть по рукоприкладству я тоже девственница, ничего, ради дела научусь махаться.

А то нашли себе бесплатную грушу для битья.

Или у них семейный подряд по членовредительству?

– А ну-ка рот закрой, девчонка! – рывкает тетя Алия и поворачивается к врачихе, с невозмутимым видом сидящей за столом и заполняющей какие-то бумаги. – Гаянэ Тамазовна, может, хотя бы часть денег вернете?

Теперь ее голос звучит иначе. Мягче и слегка заискивающе.

Ох, и лицедейка без «Оскара»! Хотя, о чем я? Их тут две.

– Простите, не могу, – разводит руками вторая притвора. – Это же не мое личное решение, а политика клиники.

«Ну да, – хмыкаю мысленно, – какая клиника, такая и политика... на букву «Х».

Пока Насырова, поджав губы, отходит к двери, достает телефон и кому-то звонит, хотя не кому-то, а дяде Амирану по-

дробно отчитывается, подтягиваю поближе к себе свою сумку и начинаю в нее все убирать. Расческа, ручка, блокнот, кошелек, блеск для губ, ингалятор.

Берусь за бегунок, чтобы застегнуть змейку. Тут в голове щелкает. Ныряю внутрь и открываю потайной карман, где всегда ношу с собой паспорт и несколько крупных купюр на случай, если кошелек стащат.

В кармашке пусто. Только пара полосок лейкопластыря и ежедневка в мини-боксе.

Забрали! Вот уроды!

– Где мои документы? – вскидываю взгляд на тетю, но та не обращает на меня никакого внимания. Будто я – пустое место.

– Да, Амиран, поняла. Хорошо. Всё сделаю... Конечно, дорогой, – воркует она с мужем тем самым подобострастным голоском, от которого сразу тошнить начинается. – Да... да... уже всё закончили и выходим, пусть подъезжает. Нет, не стоит. Лишнее. Вдруг побочка вылезет. Да, не переживай, она будет послушной.

О, последнее явно про меня.

Или не только последнее?

Дожидаюсь, когда она отключит свой телефон и уберет в карман платья-балахона, после чего повторяю вопрос:

– Я с вами разговариваю, тетя. Где мои документы?

– Они тебе не нужны, – отмахивается, как от ерунды, после чего приказывает. – Вставай. Пойдем. И без глупостей,

Агата. Хорошенько вспомни, о чем я тебе говорила чуть раньше.

Прикусываю губу, чтобы не огрызнуться.

О психушке говорила. Помню.

И то, что запросто в шею какую-нибудь заразу может засадить, после которой хорошо, если очнусь вменяемой, тоже помню.

Пугает и одно, и второе.

И то, как уверенно они с дядей себя ведут тоже. Будто знают, что ничего им за их дикие поступки не будет.

Вот тебе и свободная страна. Вот тебе и Москва. Окружили и вцепились так, что не вырваться. Каждый шаг контролируют. Каждый вздох. И это тут, в моем родном городе.

А что будет, когда они меня к себе на родину увезут?

В паранджу обрядят и в рабыню превратят? Есть и спать по расписанию заставят? Мужу подчиняться, как господину, и ноги ему целовать? Жене его первой кланяться?

Жуть! Кошмар! Сюр! Бред!

Нет. Нельзя этого допустить. Надо как-то выбраться. Бежать, да. Причем именно здесь. В Москве. Где есть шанс.

В Дагестане шансов не будет.

– До свидания, – бросает тетя Алия врачихе и, не слушая ее слов прощания, покидает кабинет первой.

Выхожу следом. Бугай, окинув меня нечитаемым взглядом, отлепляется от стены и пристраивается за спиной. Жуткий.

Пока идем, стараюсь особо не вертеть головой. Дурить сейчас и показывать характер – не лучший вариант. Надо все хорошенько обдумать. И внимание к себе притупить.

Пусть считают, что смирилась. Даже если не поверят до конца, тихоня вместо истерички – надежнее.

Чтобы спастись, я должна использовать все имеющиеся ресурсы по максимуму. А их и так в моем арсенале кот наплакал. Телефона сразу лишили, ключей от дома в сумке нет. Документов тоже. Интересно, что в кошельке? Глянуть не успела. Может, тоже пустые отделения и ноль карт?

Ладно. Придумаю что-нибудь.

Должна придумать!

Нет, обязана!

Потому что не сомневаюсь, что попытка к бегству будет у меня только одна. Дальше рисковать они не станут. Посадят на лекарства, как уже чуть раньше сделали. А будучи растением, я не то что не рыпнусь в сторону, пикнуть не сумею.

На улицу выходим гуськом. К крыльцу тут же подъезжает машина. Иномарка неприметного серого цвета, окна затемнены.

Бугай открывает заднюю дверь.

– Садись, – командует тетя.

Подчиняюсь. Она садится следом.

Молчаливый «шкаф» занимает переднее пассажирское. Замки защелкиваются.

Пока едем, в салоне стоит тишина. Откидываюсь на под-

головник и, прикрыв глаза, анализирую всё, что успела услышать. Припоминаю важный факт. Дядя сказал, что улетаем через два дня. Значит, в Москве им еще что-то надо.

Что?

Тайну узнаю через несколько часов за ужином.

– Завтра к нотариусу поедem, Агата. Оформишь на меня генеральную доверенность на право управления бизнесом брата, – произносит дядя, продавливая меня тяжелым взглядом. Таким тяжелым, что держать спину прямо требуется больших трудов, а еще щеку печет невероятно.

Или это от двух пощечин? Хотя не суть.

Молчу и смотрю в тарелку. Так есть шанс не сорваться и не засунуть вилку милому родственничку в глаз. Кажется, в приступе гнева – а я в бешенстве – готова и на это. Самой от собственных мыслей страшно.

Никогда не отличалась жестокостью и агрессивными выпадами.

Но что есть.

Приходится опустить одну руку под стол и сжать в кулак. Так ногти впиваются в кожу и отрезвляют, не позволяя делать глупости.

А дядя продолжает демонстрировать свое гнилое нутро.

– Удел женщины – быть покорной и кроткой, заниматься семьей и детьми, а не совать нос в бизнес мужчин, где ничего не понимает. Мой брат, да упокоит Аллах его душу, явно был не в себе, оформляя на тебя, Агата, завещание. Но теперь я

возьму эту ношу на себя. Деньги должны оставаться в семье. А ты, выйдя замуж, станешь Шароевой. Чужой. Да и зачем тебе деньги? О тебе муж будет заботиться.

Хочется рассмеяться.

Но не от его рассуждений. Тут не удивил. Подозревать стала сразу. Богатая наследница, как не поиметь с овцы шерсти клочок? Все до обидного логично.

Смеяться хочется от другого.

Дядя Амиран – чудака-человек на букву «М». Пусть пока об этом и не догадывается. И я говорить не стану. Не буду его на ночь глядя расстраивать.

Завтра сам у нотариуса узнает все нюансы составленного папой Алиханом завещания.

Глава 6

ВЛАД

Последние две недели выдаются адски насыщенными. Полет в Питер, возвращение на сутки в Москву, полет в Вену, опять возвращение. Пара дней передышки, и снова командировка в Северную столицу.

У Альберта Эльза меньше года назад родила, так что старший компаньон и давний друг теперь не мобилен. Гольдман плотно засел в Питере, охраняет свои сокровища – любимую жену и наследника, Романа Альбертовича, и руководит всем оттуда. Я большей частью обитаю в столице и разгребаю за двоих. Не жалуюсь, движ – это моё, но важные встречи выматывают основательно, после них единственное желание – упасть замертво и дать телу отдохнуть хоть немного.

В Питере вчера ещё и пить пришлось. Много. Как человек, употребляющий алкоголь по минимуму и привыкший контролировать ситуацию и происходящее вокруг двадцать четыре на семь, чувствую себя сегодня тяжело. Еще и перелет наложился. Голова безбожно раскалывается, несмотря на выпитую таблетку, и отказывается соображать.

Зато по итогу отвалилась приличная часть дел с отметкой «Выполнено», а счет в банке существенно пополнился.

Доволен ли я?

Да, черт возьми!

Прикрываю глаза и, оттолкнувшись от пола, отъезжаю на кресле к окну и завожу руки за затылок.

Сегодня пятница. Можно расслабиться. Ульяна несколько раз за время отъезда звонила. Приглашала куда-нибудь сходить. Естественно, с последствиями. Ночь с ней всегда бурная, голодным не остаюсь.

На протяжении нескольких лет нас объединяет секс по дружбе. Созваниваемся, когда хочется потрахаться без заморочек и обязательств, без ухаживаний и танцев с бубнами, без соблюдения каких-то правил. И, если ни у меня, ни у нее нет на этот момент времени регулярных партнеров, встречаемся.

Есть и другой вариант отдыха. Купить пива, завалиться перед теликом и посмотреть футбол. И, если уж потом приспичит, пригласить Ульяну. Или кого-то другого.

Стук в дверь прерывает размышления.

Успеваю только открыть глаза, как дверь распахивается, и в кабинет входит Янисова.

– Привет, Влад.

– Привет, Владлена.

– Я без приглашения.

– Вижу, – уголок губ непроизвольно дергается вверх.

Янисова выглядит так, будто решила устроить сексуальную революцию и свести с ума всех мужиков, на свою голову повстречавшихся ей на пути.

Высокая, худая, но фигуристая, с блестящими черными

волосами, уложенными в идеально строгую прическу, и бесконечно длинными стройными ногами на высоких каблуках. Она двигается, как хищная кошка. Походка от бедра, плавные движения, поволока в раскосых глазах.

Шикарная баба.

Знающая себе цену и умеющая себя подать.

– С возвращением, красавчик.

Она подходит к столу, наклоняется. Подаюсь вперед, и её губы слегка мажут по моей щеке. Тут же срабатывает инстинкт – вскидываю руку и тыльной стороной ладони стираю с кожи возможные следы ее помады.

– Ничего нет, не парься, – Владлена подмигивает и, обогнув стол, грациозно опускается в кресло напротив. Закидывает ногу на ногу.

Медленно.

Продуманно.

Так, чтобы я оценил не только обнажившиеся стройные бедра и ажурную резинку чулок, но и то, какое белье под платьем она надела. Белое и кружевное, фактически сеточку.

Усмехаюсь.

Занятное зрелище. Непонятно только: к чему?

– Чем обязан? – перехожу к делу.

– Как у тебя дела, Влад?

– Владлена, – наклоняюсь вперед и, сцепив руки в замок, кладу перед собой на поверхность стола.

– А что сразу Владлена? – длинные ресницы трепещут,

устраивая в помещении легкий сквозняк.

– Со мной можешь не кокетничать.

– Не действует?

– Нет.

– А жаль.

Игнорирую всё, что читаю в ее глазах. Я б и не читал, но там метровыми яркими буквами всё выведено. Не захочешь – увидишь.

Произношу нейтрально:

– Итак, попробуем еще раз. Чем обязан визиту?

Янисова едва заметно прищуривает глаза, выражая легкое недовольство.

– Я хочу провести с тобой еще одну ночь.

О, как даже...

Владлена впивается в меня взглядом, но быстро разочаровывается. Ни один мускул на моем лице не дергается. Я ничем не выдаю своего напряжения. Огромный опыт и постоянные тренировки дают о себе знать. В моем деле нельзя показывать эмоции. Порой даже перед друзьями.

Янисова – не то, чтобы друг. Скорее, она – тот человек, который постоянно присутствует в жизни на правах родственницы лучшего друга. Мы знакомы с ней почти столько же, сколько с Гольдманом. Она его троюродная сестра, а еще очень грамотный финансовый аналитик, который за пять лет работы в нашем концерне доказал свой высокий профессиональный уровень.

Единственное, что в ней не столько напрягает, сколько утомляет – ее навязчивая заинтересованность во мне.

Многолетняя.

Непроходящая.

Она даже в Москву перебралась, чтобы быть ближе. Только ошиблась в главном. Я не люблю, когда на меня открывают охоту самки.

Я – сам охотник.

Я сам выбираю свою цель.

И все же дурака я однажды сваял. В новогодний корпоратив. Она достала, откровенно напрашиваясь ее трахнуть, а я заебался отмахиваться. Хочет – пойдем. Баба взрослая, голова на плечах есть. Нагнул ее прямо в мужском туалете ресторана и отодрал без нежностей. Так, что ноги еле свела. Думал, теперь-то осознает дурость своих поступков, обидится и уgomонится. Как бы не так.

– Нет, – возвращаюсь к разговору.

– Влад!

– Владлена.

– Я серьезно. Я соскучилась.

– Неужели?

– Да.

– Ничего не будет.

– Влад, послушай, я поняла свою ошибку. Такого больше не повторится, – эмоционально выпаливает Янисова и резко меняет положение ног. – И прекрати усмехаться!

– Я даже не начинал.

– Врешь! Знаю я тебя, Томилин!

– Мы сейчас меня будем обсуждать, Владлена? – приподнимаю бровь. – Если так, то давай перенесем разговор на август. Гольдманы Ромку крестить собрались. Вот в Питере породственному встретимся, выпьем по коктейлю.

– Издеваешься? – она уже не стесняясь, гневно прищуривает глаза.

– Немного.

– Обещаю, я больше не трону эту твою секс-подружку. Как там ее? – щелкает пальцами, делая вид, что не помнит имени Ульянки. – Милана? Алана?

– Ульяна.

– Точно. Если тебе нужно разнообразие, я согласна. Будь с нами обеими.

Хочется рассмеяться, но я держу покерфейс и буравлю ее взглядом.

Действенный метод.

– Разве я спрашивал у тебя согласия на что-то?

Даже забавно становится видеть Владлену в таком взъерошенном состоянии. Она не находит себе места. Если бы её не знал, как облупленную, даже посочувствовал бы. Но это же Владлена. Янисова. Светская львица и чертовски уверенная в себе молодая дама.

– Я знаю, что ты на меня злишься за пролитый на твою любовницу коктейль на вечеринке. Прости. Я не должна бы-

ла так поступать. Проклятье! Но я приревновала.

– Ревнуют близких, Владлена, – цокаю языком. – Я давал повод нас с тобой таковыми считать?

– Нет.

– Я что-то тебе обещал?

– Нет.

– Рад, что ты это понимаешь.

Янисова ожидаемо вспыхивает в один момент и подается корпусом мне навстречу, показывая приятную ложбинку в вырезе блузы.

– Томилин, ты невыносимый! – рычит, сжимая кулачки. – Не представляешь, как мне сейчас хочется сделать что-нибудь этакое, чтобы с твоей морды лица сошло довольное выражение.

– Например, плеснуть воды?

Она кривится.

– Да.

– Но воды нет. Могу принести.

Шумно втягивает воздух через нос и резко выдыхает.

– Радуетесь, да, Влад? Я же вижу, что ты доволен, как хрен знает кто. Ты даже ликуешь.

– Ошибаешься, Владлена. Я просто хочу быстрее закончить этот бессмысленный разговор.

– Я тебя утомляю?

– Нет, просто я затрахался.

– С кем?

Да мля...

– С работой.

– Я могу...

Медленно качаю головой. Пусть даже не продолжает.

Звонок моего телефона ставит разговор на паузу. Бросаю взгляд на экран, потом на Янисову. Та все понимает без слов. Встает и кивает на соседнюю комнату.

– Попудрю носик.

Не возражаю. Вызов срочный и важный. А уж то, что слышу, разгоняет сердечную мышцу и запускает в кровь бешеный адреналин.

– Владислав Сергеевич, к Насыровой родственники прилетели. Амиран Насыров и его жена.

– Когда?

– Вчера.

Зашибись!

– Почему сразу не доложили?

– Так вы отсутствовали, а они себя нормально вели. В больницу только скатались, а так дома были. Мы думали, что ничего срочного.

– Думать – моя прерогатива. Ваше дело – наблюдение. Ясно? – кидаю слова, как булыжники, старательно проглатывая все матерные слова. Их сейчас охренеть, как много.

Палыча взгрею, что таких дебилов присматривать за девочкой поставил. Просил же опытных, а не этот зеленый палисадник.

– Где сейчас Агата?

– Мы поэтому и звоним. Они к нотариусу все приехали,
– называет адрес.

– Давно там?

– Три минуты.

Бросаю взгляд на часы, хватаю ключи от машины и поднимаюсь из кресла.

– Я выезжаю. Глаз со входа не спускать. За девушку головой отвечаете. Звонить по любой мелочи.

– Принято.

Сбрасываю вызов и гаркаю:

– Владлена, выходи. Извини, разговора не получится. Мне надо уехать.

– Это я уже поняла, – кивает и, не скрывая любопытства, интересуется. – А что еще за девушка Агата?

– Будущая жена, – бросаю, шагая к двери.

– Что? – Янисова спотыкается. С моей реакцией легко ее подхватываю за локоть и помогаю устоять на ногах. – Это такая несмешная шутка, Влад?

– Это повод, Владлена, наконец понять, что тебе со мной ничего не светит, и обратить внимание на молодых людей вокруг.

Распахиваю дверь, дожидаясь, когда она выйдет, и запираю пустой кабинет.

– Увидимся, – говорю, удаляясь к лифту.

Чувствую, Янисова смотрит мне вслед, но иду, не огляды-

ваясь.

Соврал ли я ей на счет Агаты?

Не совсем.

Ведет меня от этой красивой девочки. С первого взгляда торкнуло и размазало. От ее улыбки, голоса, смеха, запаха. От искренности и не избалованности. От света, который в ее глазах всякий раз вспыхивает, когда смотрит на меня.

Именно из таких хороших девочек идеальные жены получаются. Верные, преданные, любящие. Главное, их тоже в ответ любить.

Одно хреново. Она слишком хорошая для такого прожжённого циника, как я.

Глава 7

АГАТА

– Надевай, я сказала!

– Нет.

– Сейчас же!

– Нет! Не буду.

– Последний раз по-хорошему говорю.

– По-хорошему? – повторяю вслед за теткой и устало качаю головой.

Начало дня, а у меня уже сил нет с этими родственниками бодаться. Кошмарные люди.

– Тетя Алия, вы сами себя-то хоть немного слышите?

– Прекрасно слышу, Агата.

– А я вот сомневаюсь. Потому что у вас что ни слово – то или приказ, или угроза.

Даже ухом не ведет. Лишь подбородок выше задирает.

– А кто в этом виноват? – выразительно смотрит на меня.

– Была бы послушной, до этого бы не дошло!

Вот так просто, да?

Пляши под нашу дудуку, будь послушной овцой и будет тебе счастье?

– Как вы не понимаете? Вы принуждаете меня делать то, к чему не лежит моя душа! – сжимаю кулаки. – Я не буду носить ваши балахоны и платки.

– А я сказала будешь. Тебя Мурад выбрал. Уважаемый человек. Так что одевайся прилично. Нечего его и нас позорить, ногами светить. И голова должна быть покрыта.

Уф! Смотрю на разложенный на кровати наряд и – как там его? – хиджаб и нервно прикусываю губу. Вещи красивые – спорить не стану, но они не для меня. Они будто из другого мира. Это как на крановщика балетную пачку нацепить, ну или на свободолюбивую волчицу ошейник и поводок накинуть.

Жутко.

Ужасно хочется всю эту прелесть если не изрезать ножницами, то спрятать куда-нибудь подальше и забыть, как страшный сон. Но кто б позволил.

– Если сама не сделаешь, что велено, я Амирану скажу. Он охранников позовет, те быстро помогут тебе одеться, – угрожает дорогая родственница.

По спине холодок пробегает, но я еще чуть-чуть храбрюсь.

– А разве чужие мужчины могут меня касаться?

– Нет. Харам, – произносит она серьезно и в следующую секунду довольно хмыкает. – Только кто ж узнает, да, Агата?

Становится совсем неуютно.

Кажется, она даже ждет, что я совершу ошибку – пойду наперекор, и уж тогда она оторвется на всю катушку. Пощечинами я не отделаюсь.

Нет уж, не поведусь. И так сорвалась, хотя мышкой быть планировала. Но дальше провоцировать не стану. Это риск.

Сомневаюсь, что тетя шутила про охрану.

– Я оденусь, – произношу максимально покорно и глаза в пол опускаю.

Тетя не шевелится. Продолжает сверлить меня острым взглядом. Я тоже стою столбом. И, когда уже прихожу к выводу, что не уйдет, придется всё же раздеваться при ней, разворачивается и покидает спальню.

– Пять минут, – кидает напоследок.

– Хорошо.

Оставшись одна, первым делом бегу к шкафу и отыскиваю там лосины. Других идей, как закрепить на теле ингалятор, чтобы его не обнаружили при возможном обыске, у меня нет. Дальше свободные штаны, футболка, сверху платье-балахон.

Плевать, что лето, жара, а я как капуста. Лучше спарюсь, чем профукаю шанс сбежать.

С головным убором засада. Как подступиться и повязать это нечто – мозгов не хватает. Вернувшаяся тетя приходит на помощь. Стою и едва дышу, пока она «красоту создает».

– Тебе идет, Агата, – оценивает родственница, изучив каждую деталь, и следом дает новое задание. – Так, а теперь глаза подведи. Стрелки, тушь, всё, как положено. А то бледной молью смотришься.

– Я...

– Быстро! – перебивает, отходя в сторону. – Не заставляй дядю Амирана ждать. Он этого не любит.

Прикусываю кончик языка и киваю.

– Хорошо.

То, что они вообще ничего и никого не любят, держу при себе. Уверена, для них это не новость. Змеюки завистливые.

Десять минут спустя полностью «собранная» покидаю квартиру и спускаюсь вниз. Все время смотрю исключительно под ноги. Нет, не стесняюсь. Заботит иное. Мне так страшно наступить на подол платья и нечаянно скатиться по ступеням вниз, что все остальное становится неважным.

Есть я. Есть лестница. Есть перила, в которые я мертвой хваткой вцепилась. И больше ничего.

– А дядя где? – уточняю уже на первом этаже.

Кроме тети и молчаливого охранника рядом со мной никого нет.

– Давно ждет на улице.

– Понятно.

– Не забудь поздороваться, – новый приказ кажется странным. Еще и произнесен он едва слышно.

Может, слышалось? Вряд ли у «дорогой родственницы» батарейки сели.

Не то, не другое.

Ответ находит меня сам.

– Ну, здравствуй, Агата.

Веселый шум летнего двора, в котором есть детская площадка и куча резвящихся ребятишек на ней, гложет в густом мужском баритоне.

Высокая мощная фигура наступает, словно грозовая туча,

и закрывает от меня дневной свет.

Вскидываю голову и непроизвольно сглатываю. Большой бородатые мужик рассматривает меня нечитаемым взглядом.

Холодный.

Первое, что приходит на ум, когда я смотрю в его слегка прищуренные глаза.

Раньше думала, что карий цвет радужки по определению теплый, но с этим мужчиной вариант не прокатывает. Внутри него арктический лед.

– Знакомься, Агата. Это твой будущий муж. Мурад Шароев, – произносит дядя Амиран, заполняя паузу.

Сообразительный. Догадывается, что ни слова от меня не добьется.

А какие здесь могут быть слова, если в голове единственная мысль трепыхается: «Мамочка, роди меня обратно! И лучше прямо сейчас! Пока не поздно».

Тётя еще сзади щиплется. Грымза неугомонная.

Ногтями в бок вбивается бульдожьей хваткой. Так, что прижигает. Сто процентов синяки останутся.

Но я прикусываю щеку изнутри и терплю. Не вздрагиваю. Не морщусь. Ничем не выдаю, что что-то не так.

Поняв бесполезность своих выпадов, Насырова якобы случайно бьет носком своей туфли мне по щиколотке. Пря-мехонько по косточке. Так, что ногу болью простреливает. А

потом как ни в чем не бывало вылезает из-за моего плеча.

– Добрый день, дорогой Мурад, – расплывается она в неестественно широкой улыбке. – Агата просто сильно удивилась и немного стесняется, потому и молчит. Девочка-то скромная. Но мы очень рады тебя видеть!

Мысленно закатываю глаза.

«Удивилась» я – не то слово. Шок – это по-нашему.

Про «немного стесняется» – полная ложь. В их обществе я испытываю всё, что угодно, но не стеснение. И кто такие «мы» – совершенно непонятно. Себя к «радующимся встрече» я причислять не собираюсь.

Ах да, и на счет «доброго дня» с удовольствием бы поспорила. Какой же он добрый, если голодных акул вокруг меня становится всё больше и больше?

– Скромность – это хорошо, – неторопливо произносит Шароев и замолкает, не сводя с меня ледяного взора.

Тетка, воспользовавшись паузой, расслабленно выдыхает. Краем глаза улавливаю, как ползёт вверх ее подбородок и расправляются плечи.

Но «будущий муж», оказывается, свою мудрую мысль еще не закончил. И когда продолжает, каждое его слово падает на плечи родственницы подобно пудовому булыжнику.

– Скромность подразумевает простоту и сдержанность, а еще нежелание привлекать к себе чужое внимание. Я же смотрю на Агату, уважаемая Алия, и первое, что вижу, это ее разрисованное красками лицо. Вам не кажется, что называть

скромной ту, кто выглядит, как шармута, слегка неуместно?

Как кто я выгляжу?

Наморщив лоб, поворачиваюсь к тетке. Красная, как рак, она пучит глаза и безмолвно открывает и закрывает рот.

Меня едва на хи-хи не пробивает. Ух ты, как ее скрючило! Приятное разнообразие в царстве беспросветного высокомерия. Даже непонятное оскорбление бородатого мужика не беспокоит. Он мне никто. Никем и останется.

А вот дядю Амираана слова Шароева задевают.

– Агата умоется, Мурад, – произносит он, сжимая кулаки, и, строго глянув на супругу, добавляет. – Даю слово, подобного недоразумения больше не повторится. Алия за всем проследит. Так, жена?

Та аж приседает и ростом меньше делается.

– Конечно-конечно, – выдавливая из себя, испуганно бегая глазами от одного к другому.

– Хорошо, что мы прояснили этот момент до прилета девушки к нам на родину, – позволяет себе некое подобие улыбки Шароев. – Не хочу, чтобы у меня за спиной по ее поводу шептались.

– Всё будет в порядке, Мурад, – кивает дядя. – Никто и слова плохого не скажет.

– Рад слышать, Алихан.

– А остальное тебя в ней устраивает?

Бородатый бугай вновь осматривает меня с ног до головы,

как призовую лошадь, и медленно кивает.

– Да. Сделка в силе. Ты получишь мою поддержку.

– Рад слышать, – дядя расслабляется и, не скрывая радости, пожимает протянутую Шароевым руку. – Тогда до встречи в Махачкале.

– Да. До скорого, будущий родственник.

«Без меня меня женили!» – мысленно комментирую происходящий дурдом и с большим удовольствием забираюсь в салон остановившейся перед нами машины.

Быстрее попаду к нотариусу, быстрее сбегу от этих ушлых родственников.

А они в своем ауле пусть что хотят, то и делают. Хоть женятся, хоть разводятся, хоть плодятся и размножаются. Любой каприз на их выбор, главное, без меня!

Моя остросюжетная новинка **"Бракованная наследница"** <https://litnet.com/shrt/IPZY>

Заголовок, написанный жирным шрифтом, бьёт меня прямо в лицо, будто пощёчина.
 «БРАКОВАННАЯ НАСЛЕДНИЦА»
 Сердце сжимается так сильно, что я на секунду забываю, как дышать.
 Пальцы леденеют.
 Я читаю текст ниже, и каждое слово, как нож, который медленно, но неумолимо проворачивают в ране:
 «Единственная наследница владельца нефтеперерабатывающего комплекса "Кор-Групп", Янина Королёва, отметила своё восемнадцатилетие в загородном клубе "Алмаз-Гранд" с большим

размахом и... весьма непристойно.
 Красотка была замечена в компании неизвестного молодого человека – и явно не её жениха – в совершенно невменяемом состоянии и в очень пикантных сценах. Снимки вы можете видеть сами.
 К сожалению, дед Янины, Аристарх Королёв, как и жених, один из наследников “СибНефть”, Мирослав Граховский, от комментариев отказались.
 Интересно, долго ли последний останется в женихах, и что он реально думает по этому поводу?!»

Глава 8

АГАТА

Стоит секретарю доложить о моем появлении, как нотариус распахивает дверь своего кабинета и идет мне навстречу, чтобы лично поприветствовать.

– Агата Алихановна, добрый день! Рад видеть! Очень! – произносит с добрейшей улыбкой на лице.

– Здравствуйте, Вениамин Витольдович! – огибаю слегка опешившего дядю Амирана, он явно не ожидал *такой* встречи, и протягиваю Дварковскому обе руки. – Как ваше здоровье? Как нога? Боли прекратились?

– Уже в порядке, дорогая моя. Поездка к морю пошла на пользу. Если не бегать, то практически не хромаю.

– Я очень за вас рада.

– А я польщен, что поинтересовалась.

Обмениваемся одинаково теплыми улыбками.

За спиной раздается настойчивый кашель.

– Ой, прошу прощения, – «спохватываюсь» и отступаю в сторону, чтобы представить нотариусу стоящих за спиной родственников. – Знакомьтесь, пожалуйста. Это Амиран Насыров, младший брат папы. Это его жена Алия Насырова. А это Вениамин Витольдович Дварковский, наш семейный нотариус. Вениамин Витольдович, мы к вам по делу.

– Конечно, Агата Алихановна. Помощница меня преду-

преждала о звонке. Прошу в мой кабинет, – мягко произносит мужчина. Жестом предлагает проходить и совсем другим, более требовательным тоном информирует секретаря. – Жанна, ближайшие полчаса я буду занят. Ни с кем не соединять.

– Поняла, Вениамин Витольдович.

– И по поводу напитков. Чай, кофе? – осматривает нас по очереди.

– Просто воду, – говорю я.

Но дядя непререкаемым тоном перебивает:

– Всем чай.

– Жанна, ты слышала, – произносит Дварковский.

В кабинете рассаживаемся на свободные места. Родственник, естественно, выбирает себе ближайшее к нотариусу кресло. Тетя скромненько притуляется сбоку. Я занимаю противоположный им край стола.

Вениамин Витольдович опускается во главе и... поворачивается всем корпусом ко мне.

– Я слушаю, Агата Алихановна. Какой вопрос послужил поводом нашей встречи?

– Э-э-э... – тяну гласную, только бы не засмеяться.

Однозначно, всё произошедшее за последние сутки стоило того, чтобы теперь сидеть и смотреть, как дядю от бешенства пучит. Бедненький и недооцененный. Морда красная, борода торчком, ноздри раздуваются. Его аж подкидывает от несправедливости. Внимание уделяют мне, а не его автори-

тетной персоне. А ведь нацеливался на другое.

– Думаю, дядя Амиран лучше всё объяснит, – перевожу стрелки на еще не понимающего всей курьезности ситуации родственника.

– Правильно, Агата, – подхватывается тот моментально. – О важных вещах мужчины должны разговаривать, а не женщины.

Закусываю губу и опускаю взгляд на сложенные перед собой руки.

Не смеяться! Не смеяться, кому говорю!!!

А мамин школьный, а потом и институтский друг, а позже очень хороший знакомый нашей семьи дядя Веня, но для всех остальных Вениамин Витольдович Дварковский с живым участием в глазах поворачивается в сторону дяди Амирана.

– Внимательно вас слушаю, господин Насыров.

– Агата хочет оформить на меня генеральную доверенность, – ходить кругами дядюшка не привык. – Вот ее и мой паспорта. Какие документы вам еще нужны?

– Хм-м-мм... – выдает глубокомысленно Дварковский, не оставляя без внимания тот факт, что мой паспорт предъявила не я сама. Выдерживает о-о-очень громкую паузу и идеально ровным тоном сообщает. – Боюсь, то, что «хочет оформить» Агата Алихановна, сделать невозможно.

Насыров в кресле слегка привстает.

– Как «невозможно»? Почему? Мой покойный брат был

владельцем «Агат-банка», и Агата имеет полное право переоформить все...

С каждым новым словом его голос все больше напитывается недовольством и децибелами. Но на дядю Веню не производит впечатления. Перебивает тот Насырова спокойно, но твердо. Глядит при этом прямо и открыто.

– Ну, во-первых, не владельцем, а совладельцем. Во-вторых, его доля – не основная. Контрольный пакет принадлежит Гольдману Альберту Яновичу. И, в-третьих, между Алиханом Насыровым и Альбертом Гольдманом еще пять лет назад, когда Агате исполнилось восемнадцать, было подписано соглашение.

– К-какое соглашение? – напрягается дядя и подается всем корпусом вперед.

Не зря, кстати, напрягается.

Сюрприз-сюрприз!!!

– В случае смерти Насырова до исполнения Агате двадцати пяти лет, управление банком уходит под полный контроль Альберта Гольдмана. Дальше – по усмотрению сторон.

– А если Агата против?

– Так Агата не была против, – пожимает плечами Дварковский. – Вступая в права наследства, она была ознакомлена со всеми нюансами дела, и подписала все необходимые документы.

– Когда?

– Месяц назад.

– Но... – мне достается мимолетный убийственный взгляд, – она теперь передумала.

Дядя Веня плавно разводит руки в стороны и «рисует на лице» печальную мину. Ох, и выдержка у него! Любо-дорого посмотреть. Красавчик!

– К сожалению, ничем не могу помочь. Решения по АО КБ «Агат-банк» обратной силы не имеют.

– Это что же получается, – слегка забывшись, дядя сжимает кулаки и повышает голос. – Какой-то левый мужик будет управлять бизнесом моего брата? А как же контроль, отчетность, ежегодная прибыль?

– Не переживайте. Агата Алихановна в любой момент времени может прийти и ознакомиться со всеми делами банка, как финансовыми, так и хозяйственными. Допуск ей оформлен. Также на ее имя зарезервирован специальный счет, куда уже поступает ее доля прибыли.

– А снять их она может?

«Нетушки!» – усмехаюсь про себя, а вслух добиваю дядю, хлопая ресницами:

– Я написала отказ.

– Что ты сделала? – переспрашивает он сипло.

Надеюсь, его удар не хватит. Он же еще молодой. Пятидесяти нет.

– Написала отказ, – повторяю послушно. Дожидаюсь, когда помощница Дварковского расставит чашки с чаем родственникам и воду для меня и покинет кабинет, затем про-

должаю. – На бумаге цифры стоят, если говорить простым языком, но фактически, я все вложила в развитие банка. Себе выделила только пятьдесят тысяч в месяц. Правильно я объясняю, Вениамин Витольдович? – смотрю пушистой лапкой на нотариуса.

– Ну, если по-простому, то да, все правильно, Агата Алихановна, – доброжелательно кивает он мне.

– Бред какой-то, – возмущается дядя. – А остальной бизнес брата? ООО «УК «Агат-Индастриал» еще был. Управление хотя бы этим обществом моя племянница может переформить на меня?

«Тру-ля-ля-ля-ля!!!» – пою я мысленно.

– Я бы вам настоятельно не советовал этого делать, – проникновенно произносит Дварковский.

– Почему? – дядя Амиран прищуривает свои черные глаза.

– Предприятие выполняет многомиллионный оборонзаказ. А деньги государства, сами понимаете, любят проверяться десятками ведомств. Целевое использование и прочее-прочее... Захотите ли вы взваливать на свои плечи такую ответственность?

– Но сейчас же им кто-то управляет? – хмыкает родственничек. – И ничего, справляется. Значит, и я...

– Им управляет ставленник Гольдмана Альберта Яновича. По той же самой договоренности, как и с «Агат-банком». Агата Алихановна сама предложила передать управ-

ление сведущему человеку, как и продала пятьдесят процентов уставного капитала общества. Перерегистрация во всех инстанциях прошла успешно. Я занимался вопросом лично.

– Продала половину компании? – у дяди шок. И он этого не скрывает. – А деньги где?

– Все вложено в развитие «Агат-банка» и открытие нового филиала, – дядя Веня по-прежнему само очарование и добродушие.

– Но это же немыслимо! Она вложила миллионы, а получает оттуда только пятьдесят тысяч в месяц? – сводит все в кучу Насыров.

– Совершенно верно.

Шах и мат, дядюшка!

– Я... я... да у меня слов нет! Почему все досталось Гольдману? – взрывается он в итоге.

Дварковский пожимает плечами:

– Вы не правы. Все активы вашей племянницы надежно защищены, она ничего не потеряла, лишь грамотно переложила управление на те плечи, которые в этом хорошо разбираются. А почему Гольдману... потому что ваш брат ему доверял.

– Он ему доверял?

– Да, – киваю серьезно уже я. – Папа Алихан оставил мне письмо, где все подробно расписал и научил, как действовать в непредвиденных обстоятельствах.

– Почему раньше мне не сказала?

– Вы не спрашивали, – хлопаю ресничками и широко улыбаюсь всем и сразу.

Даже тёте, мысленно разрывающей меня на много-много маленьких Агат.

– Дома поговорим! – рыкает Амиран Насыров, рывком поднимаясь на ноги. – Всё! Уходим.

Тянется забрать мой паспорт, но Вениамин Витольдович его останавливает.

– Прошу прощения, господа и дамы. Но раз уж Агата Алихановна здесь, я попрошу ее задержаться на пять минут. Не более. Нужно подписать всего один документ.

– Хорошо. Пусть подписывает.

Родственнички, как по команде, снова опускаются в кресла, но их твердо и настойчиво выпроваживают.

– Вам придется подождать в коридоре. Информация конфиденциальная. Я не имею право озвучивать ее при посторонних. Если позже Агата Алихановна решит иначе, она сама с вами поделится всем, что считает нужным.

Уходить дядя не торопится. Прежде внимательно осматривает кабинет. Не заметив ничего подозрительно, кивает:

– Ладно. Мы подождем за дверью. Только недолго.

– Конечно.

– А я возьму твою сумку, Агатушка, чтобы она тебе не мешала и не отвлекала, – впервые за все время подает голос тетя Алия.

Ох, и гримза хитрозадая!

Ну да, она же считает, что внутри лежат деньги и, главное, лекарство, без которого я никуда не денусь. Хорошо, что такой момент я предполагала. Потому ингалятор еще дома спрятала под лосинами на ноге, а карточку в туфли под стельку сунула, когда в прихожей обувалась.

Насыровы выходят.

Дядя Веня плотно прикрывает за ними дверь и, выждав пару секунд, серьезным тоном интересуется:

– Правильно понимаю, что помощь нужна?

– Только чтобы выйти отсюда, – говорю, как есть. – Дальше сама справлюсь.

– Можем полицию вызвать или поезжай ко мне домой. Ключи и деньги дам. Вечером встретимся, решим, как действовать дальше.

– Нет, дядь Вень, – мотаю головой. – Полиция – не вариант. Очень уж уверенно Насыровы ко мне в квартиру вломились, вдруг какие-то подвязки у них есть. А к вам не хочу. Они ж и так вас первого трясти станут, когда я сбегу. Не хочу сильнее подставлять.

– Брось, Агат. Устанут они меня трясти. Да и руки коротки.

– Мне все равно неудобно. Да и потом, я знаю, к кому обратиться. Он мне поможет.

– Уверена?

В Томилине я уверена на все сто. К тому же уже завтра он должен вернуться в город. Телефон его наизусть помню.

Найду, как связаться. А сутки переждать – хостел сниму. Там документами светить необязательно.

Киваю.

– Да. Уверена.

– Ладно, Агата, отговаривать не стану. Но, если что, сразу звони, – сует мне в руки мой паспорт, визитку и сверток денег, который достает из верхнего ящика стола.

– Хорошо. Обязательно.

– Пойдем, – подводит к абсолютно неприметной узкой двери, спрятанной за массивным шкафом возле окна, отпирает ее ключом, распахивает. – Это выход через дворы. Держись левой стороны. Удачи, девочка.

– Спасибо, дядь Веня, – обнимаю мужчину, прежде чем нырнуть в проход.

Глава 9

ВЛАД

Бросаю взгляд на часы. С момента созвона прошло двадцать две минуты. Судя по навигатору, ехать мне еще семь.

Много.

Чертовы пробки!

И светофоры через один красные!

В эфире тишина. Не люблю этого. Набираю наружку сам.

– Слушаю.

– Это я вас слушаю, – произношу твердо.

– Владислав Сергеевич, у нас всё тихо.

– В каком плане?

– Ну-у-у... охрана Насыровых на стоянке возле машины отирается. Два человека. Стоят спокойно. Курят. Никуда не дергаются. Мы их хорошо видим.

– Дальше.

– Дальше. Насырова и ее родственники как ушли в контору нотариуса, так назад еще не возвращались.

– Ушли втроем?

– Верно.

– Вы сами внутри были?

– Да. Роман ходил. Сделал вид, что нужно оформить доверенность на продажу квартиры в другом городе. Встретила секретарша. Спокойная. Адекватная. Сказала, что сделать

бумагу можно, но не прямо сейчас. Мол, шеф занят и пока никого не принимает.

– Ясно. Значит, они все в кабинете Дварковского сидят.

– Ну да. Роман видел, как секретарша напитки в другой кабинет относила.

– Хорошо. Я через шесть минут буду. На созвоне.

– Принято.

Едва сбрасываю звонок, как все внимание приковывает трасса. Закон подлости дает о себе знать. Вмешивается в обыденность и делает этот день еще ярче: впереди буквально на глазах происходит авария.

Лихач на год немытой машине, играя в шашечки, нагло подрезает черную бэху в соседнем ряду. Водитель последней резко бьет по тормозам, стараясь избежать столкновения. А вот тот, кто едет за ним следом, красный китаец, среагировать не успевает. Не то клювом щелкает, не то дама за рулем. Итог закономерен: китаец смачно целует бэху в зад и перегораживает две полосы.

Получите-распишитесь, затор!

Плюс пять минут к уже шести имеющимся.

Чертыхайся – не чертыхайся, ситуации уже не изменить. Объезжаю аккуратно, буквально по зеркалам.

До места назначения остается всего-ничего, когда постукает звонок от наружки.

– Владислав Сергеевич, тут какой-то бедлам творится, – отчитывается Левадин, как только принимаю вызов.

– Подробнее.

– Охрана побежала к офису нотариуса. Мы за ними. Насыров рвет и мечет. Насырова пропала.

– Какая из?

– Молодая. Агата Алихановна.

– Зае...сь!

Бью ладонями по рулю. Как же все невовремя!

Пятница, мля! Расслабился, называется.

Ульяна, будто почувствовав, наяживает по второй линии. Вот только не до любовницы теперь абсолютно.

Агатушка, девочка моя красивая, куда тебя понесло, под-
скажи? Что такого страшного случилось, что ты, всегда спо-
койная и адекватная – всем бы такими умницами быть! – ре-
шила дать деру?

Узнаю – а я узнаю все до мельчайших деталей, к бабке
не ходи, – лично Насырова прикопаю. Других причин твоего
внезапного исчезновения точно нет.

Моргая фарами, ухожу в крайний левый ряд и, игнорируя
недовольные сигналы других участников движения, топлю
педаль газа в пол.

Руки непроизвольно сжимают оплетку руля сильнее.

Все ж хорошо было, все под контролем держал. Агата под
моим присмотром. Амиран, скунс вонючий, в своей норе под
надзором его кредиторов. Оба далеко друг от друга. Про-
блем ноль.

Но нет, этот игроман чертов, будто жопой почувствовал,

когда я из Москвы сорвался, и тут же к племяннице прискакал.

Понимаю, что не со мной его прилет связан. По всему выходит, Насыров подсуетился и себе какого-то нового покровителя нашел, с кем-то договорился, чтобы его из Махачкалы с его-то долгами выпустили. Пообещал тому что-то. Скорее всего, деньги из бизнеса брата выдернуть. Совпало всё, а меня бомбит.

Жестко.

Потому что не досмотрел!

А должен был!

Мой проёб!

Если Агату обидят – сам себе не прощу!

А ведь даже не думал, что девочка так зацепит, когда с ней в банке якобы случайную сцену столкновения инсценировал.

Рассматривал ее в тот момент, как очередной объект. Ни первый и ни последний. Проходной. Привык к подобному уже.

Да и ничем особенным не выделялась она по началу.

Да, симпатичная. Так таких миллионы.

Улыбка красивая. Но я и ярче видел.

Фигурка – зачетная. Круто, но у меня и так беспроblemных любовниц хватает, чтобы с божьим одуванчиком связываться, а потом ей сопли подтирать.

Пошел на контакт, потому что Альберт попросил.

Друг обрисовал ситуацию и уговорил присмотреть за девочкой, так как с Алиханом Насыровым он не только общий бизнес вел, но и общались они хорошо. А тут родители погибли, молодая, но богатая наследница одна осталась. Вот Гольдман и побоялся, что девочку могут ненароком обидеть или в оборот из-за бизнеса взять.

Последнее, конечно, отмелось быстро. Агата, умница, подписала все бумаги, что нам нужны были, не кобенясь и не задавая лишних вопросов. Молодая, но быстро смекнула, что лезть в то, в чем ничего не смыслит, дело – дрянь. Даже от прибыли отказалась, сославшись, что собирается работать, а не прожигать жизнь.

Естественно, все это говорилось не мне.

Она даже теперь, по прошествии прилично большого количества времени, не в курсе, кто я есть на самом деле. Считает, что владелец мелкого охранного агентства, как я ей представился в день знакомства. И уж точно никоим образом не думает, что связан с Альбертом Гольдманом, о котором она наслышана, как о совладельце бизнеса ее отца.

Именно своей доверчивостью, искренностью, очень здоровыми поступками и на удивление осмысленными разговорами и устремлениями она меня зацепила. Чуть позже все это наложилось на ее красоту, чистоту и невинность и бомбануло меня очень и очень нехило.

Пришибло конкретно.

По самые помидоры.

Думал, такие хорошие и неизбалованные девочки только в книжках существуют. Ан нет, повезло повстречать вживую.

Теперь главное – не прое...фукать.

К месту подлетаю в тот момент, когда Амиран Насыров и его жена вываливаются на крыльцо. Слов не слышу, мы друг от друга далеко, но вижу красную злобную морду и считываю по губам сначала мат, а затем приказ:

– Из-под земли мне ее достаньте! Срок до завтра!

– Обломишься, пиздюк, – обещаю, усмехнувшись, и набираю своих спецов.

Даю команду пробить сотовый Агаты, поднять записи с ближайших камер видеонаблюдения и разведать обстановку возле ее квартиры.

Сомневаюсь, что по адресу прописки она появится, но, может, соседи что-то подскажут.

Со знакомыми моей девочки сложнее. За все время нашего знакомства, узнал лишь о том, что подружки институтские у нее были, с похоронами родителей сильно помогли, но все неместные. После выпуска разъехались по своим городам.

Кстати! Еще родной отец у нее есть. Живет с новой семьей. Но чем черт не шутит?!

Туда тоже спецов посылаю. Проверенных, не этих олухов царя Небесного, что мою девочку проморгали и подставили.

Сам иду к Дварковскому.

Показываю удостоверение, задаю вопросы. Но тот мне ничем не помогает. Разводит руками и говорит, что Агате ста-

ло нехорошо из-за приступа астмы. Мол, попросила открыть дверь, чтобы проветрить помещение. Он открыл. Она сбегала. Всё.

Смотрит в глаза. Честно-пречестно.

Я на него. В упор.

Объяснение на двоечку, оба понимаем.

Но Вениамин Витольдович стоит на своем, чем только подтверждает мой вывод, что не так уж прост этот нотариус.

Оставляю еще людей, чтобы приглядывали уже за ним. Сам возвращаюсь в офис, где организовываю центр сбора данных.

Информация поступает отовсюду постепенно, но результатов не дает. Агата реально ушла через второй выход. Проскочила дворами и села в первый проходящий автобус, дальше нырнула в метро и в нем потерялась.

Как, мать ети, это возможно?

Он непонимания рвет на части, а еще параллельно бомбит. Она же без лекарств и денег осталась. А если новый приступ астмы?

Спустя сутки тишины, которые провожу на ногах и держусь только благодаря ведру кофе и обезболам, на мой городской рабочий поступает звонок.

– Слушаю, – от пары пачек выкуренных сигарет голос хрипит и даже мне самому кажется незнакомым.

Но не той, кто мягко произносит:

– Влад, привет! Это Агата. Надеюсь, не сильно тебя отвле-

каю?

От переполняющих эмоций так стискиваю пластиковый корпус, что тот скрипит и едва не трескается.

Не отвлекает ли она меня?

Зашибись, какой хороший вопрос!

Глава 10

АГАТА

Москва – город-миллионник, в котором постоянно проживают более тринадцати миллионов человек. И это, не считая гостей столицы и туристов. Но кто-нибудь когда-нибудь прикидывал, сколько по улицам города перемещается девушек в мусульманских одеждах с платками и хиджабами на голове?

До дня побега я об этом ни разу не задумывалась.

Да, ходят. И их немало. Но, по сравнению с той же Казанью, куда мы на третьем курсе ездили всей группой отдыхать на неделю, все же не столь много.

Вот там да. Кругом чужие одежды, чужие лица, чужой язык. На какое-то время даже теряешься: в России ли ты еще находишься или уже нет?

В Москве так не всюду, условно можно сказать – районами. Но мне и того, что я вижу, хватает, чтобы разработать дальнейший, пусть не идеальный, но все же план, как скрыться от слежки.

Почему-то даже крохи сомнения не проскакивает, что Амиран Насыров спустит мое исчезновение на тормозах, махнет рукой и скамандует: «Улетаем, Алия! Ну эту дурочку Агату в баню! Пусть справляется со всем сама!»

Нет.

Ушлый дядюшка так не поступит.

Он прилетел целенаправленно – забрать папины активы. Заявил об этом нагло, открыто, никого не стесняясь и ничего не боясь. И тут есть два варианта такого поведения. Либо он безмерно самоуверен и ему уже нечего терять. Либо за его плечами стоит такая весомая фигура, которая в случае чего обеспечит ему масштабную поддержку. А значит, он пойдет до конца.

В общем-то, для меня нет особой разницы в причинах дерзких поступков родственника. Все они омерзительны и жестоки по своей сути. Зато есть большая разница, как устроить свою жизнь дальше. Быть марионеткой в чужих руках я не хочу.

И сделаю все, чтобы этого избежать.

Девушек в мусульманской одежде я встречаю в первом же автобусе, куда заскакиваю, чтобы не стоять и не светиться на остановке.

Сначала, подойдя поближе, прислушиваюсь, о чем они говорят. Тихонько смеются и обсуждают баллы поступления на медицинский. Значит, младше меня. Будущие студентки, хотя сразу и не скажешь. Роста они даже чуть выше моего, стройные, симпатичные, глаза ярко подведены.

Но раз юные, то шанс уговорить их мне помочь даже возрастает. Это взрослые всегда более осторожные, молодежь жаждет подвигов.

Хочу уже рискнуть и попросить девушек о помощи, как

улавливаю фразу, что вот уже их остановка и пора выходить. Понимаю, что, начни я разговор в этот момент, то просто не успею его закончить. Поэтому откладываю его и, чуть помедлив, вслед за девушками тоже покидаю общественный транспорт.

Иду от них на небольшом расстоянии. Мы проходим вверх по улице метров двести, сворачиваем за угол и буквально еще через сто метров спускаемся в подземный переход. Вижу впереди табличку, указывающую направление ко входу в метро, и вот тут все же решаю действовать.

Делаю вид, что спешу, и обгоняю девчат, но потом «спотыкаюсь» и «чуть не падаю». Ойкнув, они меня, как я и предполагаю, ловят. Все же схожая одежда дает плюс сто баллов к уровню везения.

Слезы, искренность, мольбы – отличное оружие, чтобы расположить к себе посторонних. А уж короткий рассказ, что меня хотят против воли выдать за нелюбимого, да еще и не родители, а родственники, которых и толком раньше не знала... и того больше.

Лейла без вопросов забирает мой платок и повязывает его поверх своего. Не знаю, с чего вдруг думаю про камеры, но в голове щелкает, что это важно – скрыться и от них. Цвет платьев у нас с ней на удивление схож. Со спины не различить даже. Самаира охает, как я буду с непокрытой головой, но соглашается, что лучше рискнуть нарушить правила сейчас, чем всю жизнь жалеть о трусости.

На счастье, в этот момент в подземный переход спускаются еще несколько девушек в мусульманской одежде. Быстро обнявшись, прощаюсь со своими нечаянными помощницами, которые теперь выходят уже не вместе, а по одной, и разворачиваюсь в обратную сторону.

Сворачиваю в ответвление на выход в другую часть города, и тут глаза цепляются за киоскеров. У одного на крючке рядом с журналами и газетами висят кепки, те самые, сувенирные, которые обычный прохожий никогда не купит, потому что втридорога, но за просто приобретет турист-иностранец.

Я покупаю. А еще журнал со сканвордами sudoku, ручку и пакет, куда отправляю стянутое с себя платье-балахон.

Хорошо, что на дворе лето. Лосины и футболка – для меня дикий трэш в одежде, которую я бы никогда не позволила себе надеть на улицу. Но сейчас не до морали. Да и, оглянувшись, не вижу, чтобы кто-то охал и ахал, обзывая меня распутницей.

Вон, девчонки в шортах и майках спокойно себе идут. У одной даже складочку между ягодицей и бедром видно. И ни разу ведь не краснеет хулиганка. Хихикает и глазки проходящим мимо парням строит.

Натянув кепку ниже на глаза, чтобы скрыть не только лицо, но и пылающие щеки, прощаюсь с продавцом, одолжившим мне резинку для волос, и покидаю переход. Далее новый автобус и еще один, и еще.

В сетевое кафе заваливаюсь, когда живот уже сводит от голода, а ноги протестующе ноют. Заказываю себе большой стакан латте и перекус. Оглянувшись, выбираю свободное местечко на мягком диванчике в углу, сажусь и приступаю к еде, ни на кого не глядя.

Боженька явно на моей стороне, потому что дальше мне удивительным образом снова везет. Девчонки, явно туристки, молоденькие, сидят за соседним столиком и, обмениваясь шутками, обсуждают, куда поехать и что посмотреть в столице. Не скрывая, рассуждают, что денег впритык, и нужно растянуть удовольствие так, чтобы хватило не только на первые пару дней.

– Давайте сначала все же с хостелом разберемся. Вещи закинем, потом уже на ВДНХ рванем, – предлагает блондинка, привлекая мое внимание.

– Ну да, с баулами много не набегашься, – соглашается ее соседка, пиная сумку, стоящую на полу, рядом с ее ногой.

– Оки, тут и идти-то всего ничего, – третья, сидящая напротив них, роется в телефоне, явно изучая маршрут. – Навигатор пять минут показывает. Отзывы хорошие. Ценник тоже. Запоминайте, девочки. Как выйдем, сворачиваем налево, – проговаривает, не поднимая головы, – дальше проходим три дома, скверик и после перекрестка направо. Хостел в первом же дворе. Вход через арку.

– Как называется? – уточняет блондинка.

– «Лилия».

– Прикольно, как меня, – смеется шатенка. – Значит, точно нам подойдет.

– Тогда доедаем и вперед. Идем проверять, – та, что диктовала путь, гасит экран и, схватив стаканчик с колой, шумно его допивает, втягивая через трубочку.

Девчонки начинают шевелиться. Я в отличие от них – нет, мне спешить некуда. Но план с размещением действительно беру на заметку.

Проводив троицу взглядом, неторопливо заканчиваю свой обед-ужин, после чего прихватываю пакет и, мысленно воспроизводя в голове услышанный маршрут, повторяю его в реальности.

Хостел «Лилия» нахожу без труда и с первого раза. Неброская надпись. Отдельный вход. Симпатичное крыльцо. Увидев кнопку звонка, жму без раздумий.

Дверь открывают почти моментально. Радуют, что свободные комнаты в наличии имеются. Называют ценник за сутки. Без оформления паспорта лишь на косяк больше.

Дальше радуюсь уже я – денег мне хватает с лихвой. Спасибо дяде Вене.

Заселяюсь сразу и даже киваю на предложение заказать мне ужин из ближайшего ресторанчика. Улыбчивая девушка проводит короткую экскурсию, чуть позже приносит стопку полотенец и халат, упакованный после химчистки в спяный пакет.

Благодарю, закрываю за ней дверь и запираю на личину,

после чего без сил падаю на постель. Она, к слову, в номере, огромная, двухместная.

Понятное дело, почему. Я уже не маленькая девочка и отлично понимаю, что такие хостелы пользуются у местных не меньшей популярностью, чем у приезжих. Особенно когда мужчине хочется провести необременительный, жаркий вечерок с женщиной, не приводя ее на свою территорию.

Как подтверждение, позже, от нечего делать, заглянув в верхний ящик прикроватной тумбы, нахожу несколько неиспользованных презервативов.

Лишним голову не забиваю и оставшуюся часть дня, как и большую половину следующего, провожу в своей комнате. Она меня вполне устраивает. Душевая отличная, вода без ограничения, кровать мягкая, постельное чистое, есть телевизор и даже кабельное. Еду доставляют, а между делом я решаю sudoku и гляжу на прохожих в окно. Все удобства, как говорится, под рукой, о большем и не мечтаю.

Владу звоню на городской рабочий, единственный, что знаю, с номера администратора хостела лишь во второй половине нового дня. Раньше решаю его не беспокоить. Еще перед командировкой он говорил, что навалилось много задач, и ему придется постараться, чтобы все разгрести. Деловой мужчина, я это прекрасно понимаю, папа Алихан был такой же. А я привыкла не быть навязчивой или той, кто мешает.

Томилину трубку снимает после второго гудка.

– Слушаю, – произносит хрипло.

На секунду теряюсь, все же надо было еще позже набирать, похоже я поспешила.

Но в последний момент решаю не отступать.

– Влад, привет! Это Агата. Надеюсь, не сильно тебя отвлекаю? – произношу и замираю, забывая сделать новый вдох.

– Где ты?

Беспокойство в его голосе столь отчетливо, что внутри становится тепло-тепло, а пружина, стягивавшая внутренности все последние сутки, наконец, отпускает. Да так лихо, что я совершенно не придаю значения, почему Томилин задает именно этот вопрос. Ведь фактически он не должен быть в курсе моих проблем...

Но к этому я приду много позже, когда... когда начну анализировать его поступки... когда мой мир слетит с орбиты и разобьется на мелкие осколки.

А пока я, счастливая, называю адрес «Лилии» и собираю немногочисленные пожитки, готовясь к выселению. Ведь мой мужчина обещает приехать и забрать меня из хостела «вот прям сейчас».

=====

Друзья, приглашаю в мою новую историю "После измены счастье есть" <https://litnet.com/shrt/qOqt>

=====

Глава 11

АГАТА

Я не жду момента, когда Влад подъедет и за мной зайдет. Сдаю администратору номер, рассчитываюсь и, тепло попрощавшись, выкатываюсь на крыльцо.

Чтобы особо не привлекать внимание, осматриваю двор и перемещаюсь к свободной лавочке, скрытой цветущим кустарником жимолости с одной стороны и клёном с другой. Сажусь в тени шикарной кроны и, скрестив ноги в лодыжках, прячу их под себя. Пакет опускаю рядом.

Внутри пузырится волнение, а еще стойкая уверенность, что теперь все будет хорошо. Но стоит черному внедорожнику, шурша колесами по асфальту, плавно вкатиться во двор, как сердце на секунду замирает, а потом пускается вскачь.

Рука, лежащая поверх пакета, непроизвольно дергается и сжимает его сильнее. Ладонка потеет.

Машина притормаживает четко напротив Крыльца «Лилии». Водительская дверь открывается. Влад хищной пантерой выскальзывает из салона. На мгновение замирает, осматривается.

А я люблюсь им.

Черный пиджак пошит по последним росчеркам придирчивой моды. Высокий ворот немного показывает яркую белизну сорочки. Массивные часы на запястье поблескивают

в солнечных лучах. Суженные брюки подчеркивают несомненную красоту нижней части тела его обладателя. Туфли с закругленными носами.

Томилин стоит в профиль, но я и так знаю, что под стильными солнцезащитными очками скрываются холодные серые глаза. Они, словно невидимыми шпагами, умеют наносить удары прямо в сердце. Выдающиеся скулы и подбородок несколько дней не бриты. Короткие непослушные волосы лишь усиливают образ человека, бросающего вызов всему, посмевавшему не покориться сразу.

Мимо проходят трое мужчин в деловых костюмах с папками в руках. Но даже среди себе подобных Владислав дерзко выделяется. Холодным оценивающим взглядом. Самоуверенностью на лице. Повадками хищника в движениях, что с легкостью покорил каменные джунгли.

В нем присутствует что-то иное. Притягательное. И одновременно то, что предупреждает — держись подальше, целее будешь.

Он – сила! Он – жесткость! Он – страх...

Влад делает шаг по направлению к хостелу. От уверенных рваных движений начинает сосать под ложечкой.

Облизываю губу и зову:

– Влад.

Моментально останавливается. Слитным движением оборачивается и безошибочно находит меня, скрытую в тени деревьев. Будто точно знал, где я есть, и лишь позволял потя-

нуть время.

Наши взгляды встречаются, и всё!

Остальной мир уходит в туман, а между нами будто канат натягивается и тащит меня вперед, к нему. Сильно-сильно.

Я не то что не сопротивляюсь, с радостью подчиняюсь и лишь мысленно уговариваю себя все же идти, а не бежать.

А бежать хочется.

Очень-очень.

– Привет! – говорю на выдохе, когда между нами остается меньше метра.

Запрокидываю голову. Он такой высокий, что без каблучков я ему четко по подбородок.

Но мне это нравится. Его сила и опасная животная энергетика на меня не давят. Не то что магнетизм, которому сложно противостоять.

Влад молчит. Ни один мускул не дергается на мужском лице.

Стоит и смотрит. Возможно, прислушивается.

К стуку моего сердца. К дыханию.

Его взгляд быстро проходится по моей фигуре, по лицу, почему-то задерживается на волосах. Наконец, он делает шаг.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.